



## Э. С. МЕНДЕЛЕВИЧ

### Религиозно-философские поиски М. А. Волошина

Практически все деятели культуры начала XX века прошли мучительный путь религиозно-философских исканий. Путь Максимилиана Волошина был не только одним из самых оригинальных, он оказался одним из наиболее плодотворных: в его итоге Волошин создал целостное мировоззрение, оказавшееся весьма адекватным той эпохе, сотканной из противоречий и заставившей споткнуться большинство литераторов.

<...>

Философия Волошина была не присоединением к какой-либо доктрине, не тщанием выработать собственную доктрину, а жизненной позицией, проверенной знанием множества доктрин.

Как философия не совпадает с каким-либо философским учением, но раскрывается в самой своей истории, так мировоззрение гармонической личности неотделимо от её биографии, а её биография неотделима от истории страны и народа. Волошин как поэт и художник сложился именно к тому моменту, когда история России вошла в пике. Из долгого путешествия по Западной Европе Волошин вернулся в Петербург 9 января 1905 года и стал свидетелем первого акта великой трагедии. Отныне делом его жизни стало познание «путей России» (так назван один из его лучших стихотворных циклов). Но это познание пришло далеко не сразу, хотя уже тогда проявились лучшие черты личности поэта — он не мог увлечься бурями революции, проницательно определив их как «пролог событий». Трагедия 1905 года потребовала осмысления. Пришло время религиозных поисков.

Глубокое знание наследия разных народов, отточенный и осознанный космополитизм отталкивали его от присоединения к какой-либо религиозной традиции. Результатом стало обращение сначала к масонству, а потом — к антропософскому учению Рудольфа Штейнера. В этом Волошин был не одинок: тогда же антропософией увлеклись Андрей Белый, Ольга Форш и многие другие, в том числе и жена Волошина

Маргарита Сабашникова. Здесь не было случайности — то же характерное для Волошина единство мысли и жизни.

Штейнер обещал прикосновение к истокам бытия, к его величайшим тайнам, а Волошин уже понял, что только в истоках истории и природы коренится та тайна, знание которой позволит ему не заблудиться в обезумевшем мире. Но Волошин слишком гармоничен, чтобы припасть только к одному роднику. Эмоции не заглушают в нём рационалиста. Он начинает тщательно изучать историю Великой Французской революции и приходит к выводу, что России предстоит по-своему повторить её путь, ибо есть события, сущностная повторяемость которых ненарушима (статья «Пророки и мстители»). Однако этот вывод, позднее не раз подкреплённый страшными фактами, ещё следовало доказать.

Начавшаяся трагедия делает космополита глубоко национальным поэтом. Но Волошин не из тех, кто может отбросить уже познанную истину, — он никогда не перестанет быть космополитом. Он не меняет истины — он синтезирует их. Способность к синтезу — главная способность гармонической личности (в статье «Россия распятая» он скажет, что для этого не требуется особая широта взглядов, достаточно просто доброй воли). Многолетний духовный труд начинает давать свои плоды.

Обращение к национальной истории актуализирует в Волошине христианина. Христианство для него — язык, на котором он вступает в диалог о прошлом России. Тогда обнаруживается, что только на этом языке он может назвать мир целиком, его важнейшие связи и явления, оно — копьё Итуриэля, обнажающее духовную истину в событии, к которому прикасается. Как в сказке о Синей птице — то, что он так мучительно ищет, оказывается рядом с ним. Волошин приходит к важнейшей идее — принятию истории, её духовного, всегда христианского смысла. Быть с народом, вместе прийти к выводам, которые сделает история России, — вот отныне цель Волошина.

Погружаясь в христианство, он обнаруживает поразительное явление: каждый эпизод Священного писания является точным и достоверным прообразом современных ему событий. Язык евангельских (реже — ветхозаветных) образов оказывается языком, наиболее адекватным трагедии, охватившей Россию. Пользуясь этим, Волошин побуждает читателя к строжайшей этической оценке своего поведения, переводит события личной жизни в область общечеловеческого, которое, по его мнению, не может не быть христианским.

Погружение в христианство укрепляет и обогащает душу поэта в страшное время мировой войны. Трагедия стала столь всеобъемлющей, что большинство современников её не заметили, поддались казённым патриотизму и милитаризму. Волошину удаётся сохранить в себе и достоинство космополита, влюблённого в весь мир, и достоин-

ство патриота, умеющего не принимать действия своей страны, когда она не права. Волошин и другие штейнерианцы уходят в нейтральную Швейцарию сооружать «храм св. Иоанна». Неожиданно он обнаруживает, что штейнерианство превращается в новую религию, догматику, подчиняющую себе личность, и он навсегда покидает антропософов. Эта закалка христианством дала свои лучшие плоды в годы революции и братоубийственной войны.

В последние годы жизни он пишет поэму «Путями Каина» — итог своих философских размышлений. Её пафос — в коллективном поиске человечеством единства бытия: от прозрений каббалистов до «сумасшедших гипотез» Бора и Гейзенберга, от магии до технических революций, от первобытного состояния до новейших социальных катаклизмов. Всё это оказывается возможным вместить в выношенную им идею единства. И всё-таки синтез не получился: в поэме «Путями Каина» нет речи о судьбах России, а философия явно превалирует над религией, которая оказалась на положении лишь литературной иллюстрации.

Космополиту необходима философия, патриот же не смог обойтись без религии.

Итогом его религиозных исканий становится поэма с простым и гордым названием «Россия». Его вывод — чисто христианский: муки России — это муки искупления грехов человечества, муки рождения справедливости. Он не пытается, как многие другие, оправдать события, он видит, что они — против человека, против Христа, что одно и то же. Но история — это осуществление человека! И принимать в ней участие — религиозный долг, от которого он не может и не хочет уклониться. В этом соединении религиозных исканий с личной и общественной жизнью давно обнаруженное Волошиным единство бытия достигает своей цели, выходит в Вечность, соединяется с ней.

<2001>

